

«Добродетель в кандалах — вот подлинная добродетель»

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОЛЬСКОЙ СИБИРИ

На протяжении, по крайней мере, четырех столетий, особенно в эпоху после разделов Речи Посполитой, «Сибирь» не была для поляков чисто географическим понятием, хотя, разумеется, это понятие относилось к географической территории за Уральским хребтом. Эта Сибирь, по сути, заключала в себе опыт, пережитый на обширных просторах Российской империи польскими ссыльными, насильно отторгнутыми от мест своего постоянного проживания. Поэтому это понятие включало в себя и территории, расположенные до Урала, — в общественном сознании сюда относились, например, Архангельская и Пермская губернии, а так же Дальний Восток, киргизские степи (сегодня частично в современном Казахстане), и даже Кавказ, где отбывали вынужденную службу поляки, зачисленные в особые корпуса либо в наказание — за участие в ноябрьском восстании, либо по призыву, либо за причастность к заговорам в период между восстаниями, или, наконец, за участие в январском восстании. Как во времена II^й Речи Посполитой, так и сейчас, к Союзу Сибиряков принадлежат все ссыльные — и те, кто был в Сибири, и те, кто оказался на далёком Севере России, или в степях Казахстана, пустынях Узбекистана и т.д. Например, Самуэль Пешке¹, который, как пленный наполеоновского войска, провёл зиму в саратовской губернии, был убеждён, что его вывезли в Сибирь, и жаловался на мороз и пронзительные «сибирские ветры»; в свою очередь, изданный в Кракове в 1867 г. список офицеров, сосланных в вятскую губернию после поражения ноябрьского восстания, озаглавлен: «Перечень приговорённых к Сибири в вятскую губернию повстанцев 1830/31 года, составленный в Вятке в 1832 г.».² Сведения о Сибири и судьбе сосланных туда поляков долгое время были совершенно неизвестны, постепенно складывалась черная легенда Сибири, лишь частично находившая подтверждение в реальности.

Начиная с пленных, времён польско-московских войн, с барских конфедератов, повстанцев Костюшко и их последователей, — и до филوماتов, участников восстаний 1831, 1846, 1863 годов, членов заговорщицких кружков, до распространителей патриотических стихов, читателей запрещённых эмигрантских изданий и т.д., и т.п., очередные поколения отправлялись в один и тот же путь — на Восток, вглубь огромной Империи.

В первой половине XIX века «непокорных» поляков, прежде всего, отдавали в армию — в солдаты. Здесь оказались — помимо обычных призывников — солдаты из расформированного Войска Польского и взятые в плен участники ноябрьского восстания, зачисленные в русскую армию по приговору. Сколько их было, и где они проходили службу, мы не знаем³.

Одним из первых шагов, призванных в зародыше усмирить потенциальный бунт и наказать «виновных», было отделение офицеров от солдат. Большинство из них оказалось в Вятской губернии, в таких городах, как Елабуга, Сарапул, Слободск, Уржум. Здесь осуществлялось следующее разделение: признанные особо виновными, или обладающие соответствующей квалификацией направлялись в рудники за Байкалом, других зачисляли «в солдаты»; находились и такие, кто, к огорчению товарищей, добровольно выбирал службу в русской армии. К сожалению, никто из пребывавших «в Сибири, в Вятской губернии» не оставил воспоминаний, так что мы не знаем, как проходила жизнь в ссылке в эти первые годы, были ли какие-то разговоры о возможном побеге. До сих пор никто из исследователей не добрался до местных архивов в самой Вятке, не обнаружил каких-либо служебных рапортов о царящих там настроениях, обоснований освобождений или высылки на каторгу (можно предполагать, хотя в этом нет никакой уверенности, что в целом решающим фактором здесь в значительной степени оказывалась имевшаяся до восстания профессия). «Вятские» офицеры вернулись в Королевство Польское в 1832 и 1833 годах, вновь принося в Седльцах и Варшаве присягу на верность⁴. Подобным образом поступали находившиеся в ссылке генералы.

Наказание в виде отправки в армию, несправедливо считающееся наиболее мягким, было на самом деле самым тяжким: оно означало 15-летнюю службу в самых незавидных условиях, а далее — за «хорошее поведение» — возвращение в страну в качестве «отпускника»⁵, которого, однако, если позволяло его здоровье, могли в любую минуту вызвать из отпуска и призвать в армию (например, в 1849 г., во время

венгерской кампании или крымской войны 1853–1855 г.). Сохранение так называемых сословных прав давало возможность получить офицерский чин и вернуться на родину, однако, во многих приговорах тех лет встречается условие об обязательной 10-летней службе в армии «после получения офицерского звания». Зачисление в Кавказский или Оренбургский корпус означало участие в расширении территории Российской империи, а, следовательно, в завоевании горцев и азиатских племён. Лишь отличие в боях с ними приносило повышения, ордена (их не давали просто так...), а затем согласие на отставку и возвращение домой. Об этой амбивалентной ситуации с горечью писали все польские мемуаристы — участники этих войн. Вот наиболее подлинный, ибо написанный непосредственно после боя, фрагмент одного из неопубликованных писем польского «кавказца»: «Крик, стон, выстрелы звучали в ушах у каждого, всех охватил панический страх, я думал, что это уже конец света». И — потрясающий финал этой битвы: «Пули, гранаты, картечь разбивают стены саклей, просыпаются напуганные жители, прежде чем они успели схватить оружие и оседлать своих коней, казаки уже влетели внутрь двора, пехота окружила аул. Горцы видели погибель, каждый бешено бросался, как тигр, сам погибал в отчаянии, но погибал не задаром: одного, если не больше, прежде себя уложил. Обе стороны дрались остервенело. [...] Женщины — до сих пор в тылу — тоже взялись за оружие. [...] Бежала по двору редкая у черкесов красавица, прелестная блондиночка [...] но не добежала, схватил её казак за волосы, длинные, густые, роскошные, и помчался с ней галопом к отряду. [...] Лишь вечером кончился бой. Я смотрел на толпу пленных, на прекрасные волосы четырнадцатилетней раненой героини, на ее бледные щеки, а весёлый солдат с гордостью нёс в своих руках две головы убитых горцев; одна из них принадлежала отцу пленницы — об этом сама черноокая красавица простонала с плачем»⁶. (Добавим, что описываемые бои происходили в районе Грозного). И на Оренбургской линии взимание *ясака* — дани, присимой России местными завоеванными племенами, чаще всего, в виде мехов — часто происходило с применением насилия, с помощью армии, иногда дело доходило до поджогов и грабежей киргизских аулов, кражи их скота, что отмечает в своём дневнике ксёндз Серочиньский⁷.

Такого рода моральные дилеммы не стояли перед поляками, зачисленными во внутренние войска, а также в Сибирский корпус, размещавшийся в Восточной Сибири, откуда до нас дошло не одно сообщение о том, что солдаты не только не жили в казармах, но даже ходили

в гражданской одежде и зарабатывали на жизнь (помимо скромного казенного жалованья) уроками (например, иностранных языков, рисования, танцев), даваемыми детям и жёнам местных чиновников и состоятельных купцов. Разумеется, это относилось к кругу ссыльных, обладавших хотя бы минимальным образованием, или хорошо владевших каким-либо ремеслом. «Поблажки» проистекали также из-за нехватки казарменных помещений, чудовищной тесноты в них, однако, следует учитывать, что выход из них для рядового солдата-крестьянина мог представлять собой отнюдь не облегчение, а затруднение: как найти возможность заработка, чтобы оплатить жильё.

Овеянный легендой Роман Сангушко, который отказался сделать заявление, что причиной его присоединения в 1831 году к восстанию

Приговоренный к Сибири

было отчаяние после смерти жены, был первоначально приговорён в Киеве к поселению с утратой сословных прав и княжеского титула. Позже по приказу царя его взяли в армию и зачислили в 1 Сибирский линейный батальон, расквартированный в Тобольске. Однако он не служил, жил в трёхкомнатной квартире, имел лошадей, двустволку и финансово помогал своим землякам. Разумеется, по сравнению с дворцом в Славуте это было жалким существованием. На французских литографиях он изображался — вопреки фактам — как каторжник, прикованный к тачке. В 1834 году он сам попросил перевести его на Кавказ, принимал участие в нескольких столкновениях, в 1838 году получил Крест Святого Станислава и чин подпоручика, а в 1845 — официальную отставку из армии и разрешение вернуться на родину. Конечно, здесь сыграли роль семейные связи в Петербурге и взятки, которые в России весьма часто оказывались решающим фактором в вопросах наказания и помилования. Он вернулся совершенно оглохшим, но не забыл товарищей по несчастью, которым продолжал помогать.

Полковник Пётр Высоцкий, которого в Варшаве Верховный уголовный суд приговорил к каторжным работам⁸, отбывал наказание на винокуренном заводе в Александровске (в 76 км северо-западнее Иркутска). Вместе с ним с июня 1835 года — по постановлению того же суда (см. главу III) — там же оказался Франчишек Мальчевский. Позже к ним присоединились «ссылнокаторжные» заговорщики, действовавшие в период между восстаниями.

Приговорённых к каторге (на рудниках, заводах, крепостях) судили на основе военного кодекса. На поселение (с утратой сословных прав и конфискацией или секвестром имущества, либо без этих дополнительных ущемлений) можно было попасть как в результате судебного решения, так и в административном порядке. Наказание «преступников крестьянского сословия» часто дополнялось телесным. Само по себе телесное наказание могло означать смертный приговор, и у нас будет возможность ознакомиться с подобными примерами. Как мы видим, закон предусматривал богатый набор разнообразных наказаний, однако в тогдашнем (и сегодняшнем) общественном сознании всякую ссылку связывали с каторгой в Сибири, а всякую каторгу — с тяжкими работами в рудниках, к тому же — с прикованными к тачке руками. Даже в биографиях, публикуемых в серьезных словарях, редко удаётся найти информацию, к какому виду наказания был приговорён тот или иной «преступник».

Следующей разновидностью наказания было *поселение* (в Сибири или во внутренних губерниях России), всегда сопровождавшееся полицейским надзором, часто — но не всегда — лишением сословных прав и секвестром имущества (осуждение на каторгу предполагало обязательное лишение сословных прав и всех привилегий, а также конфискацию имущества).

Вот данные о лицах, осуждённых до 1831 года и в период между восстаниями, полученные на основе изучения 2674 биографий, содержащихся в биографическом словаре «Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века»:

1. Пленных 1812 г., до которых не дошла информация о возможности вернуться на родину, в ссылке в период между восстаниями было — 45 человек;
2. Участники заговоров до 1831 года (филоматы, учащиеся из патриотических кружков, члены Патриотического Общества), заключённые вне мест своего проживания и сосланные — 65 человек;
3. Взятые в административном порядке в русскую армию за участие в ноябрьском восстании, чьи имена и место пребывания известны — 525 человек (из них в арестантские роты — 34 человека);
4. Приговорённые к каторге за участие в ноябрьском восстании — 289 человек;
5. Приговорённые к поселению за участие в ноябрьском восстании — 247 человек;
6. Взятые в административном порядке в армию (в основном, в специальные корпуса) за участие в заговорщицкой деятельности в период между восстаниями в стране и за границей — 573 человека (из них в арестантские роты — 22 человека);
7. Приговорённые к каторге за участие в заговорах в период между восстаниями в стране и за границей — 310 человек;
8. Приговорённые за то же самое на поселение — 453 человека;
9. Высланные за то же самое в монастыри (часто — в глубине России) — 62 человека;
10. Помещённые в сумасшедший дом — 1 человек;
11. Отсутствие точных данных о том, где, или когда и за что были сосланы — 104 человека.

Наверняка в этих данных есть ошибки; вероятно, некоторые ссыльные остались вне поля нашего зрения, однако возможные здесь допол-

нения не изменят принципиально количества польских ссыльных (за исключением взятых в русскую армию, о которых наши знания остаются неполными).

Вспоминая, что грозило в первой половине XIX века «польским бунтовщикам», стоит также упомянуть, из-за каких провинностей можно было считаться таковым. Разумеется, на первом месте была причастность к восстанию, «участие в бунте», причём необязательно в царской империи. Сурово карались побегии «за кордон», то есть в Галицию, или в земли под прусской оккупацией и далее за границу, а также участие там «в мятежах», например, во время Весны Народов. Преступлением было также само намерение участвовать в этих событиях, даже если оно не было осуществлено. Наказание настигало и тех, кто каким-либо образом помогал «бунтовщикам», предоставлял им убежище, еду, одежду и т.п. Выносились приговоры за принадлежность к заговорам и тайным кружкам (даже носившим самообразовательный характер, что было тесно связано с так называемыми читательскими преступлениями, то есть чтением и, что ещё хуже, распространением запрещённой литературы), или лишь за недонесение о каком-либо из таких преступлений (характерен случай отца, которого сослали за недонесение властям о том, что его сын присоединился к партизанской экспедиции под руководством Юзефа Заливского, а потом сбежал за кордон). В Сибирь можно было попасть за «оскорбление Его Величества» (например, за непристойные слова в адрес царя, сказанные в пьяном виде). Наконец, ссылали превентивно, в административном порядке, чаще всего за «политическую неблагонадёжность» или за «враждебное отношение к законной власти», а также за «склонность к скандалам и нетрезвый образ жизни», и т.д., и т.п. Следует, однако, добавить, что столь же сурово расправлялись с лживыми доносчиками: они становились каторжниками наравне с теми, чью вину они не смогли доказать. Власти были заинтересованы в раскрытии подлинных заговоров и настоящих участников восстаний и не желали тратить время на выдуманных ради заработка мнимых «бунтовщиков». Среди ссыльных, которые считались политическими (также и товарищами по ссылке), оказались несколько сосланных по просьбе родной матери или отца, которые слишком натерпелись от своего потомства. Знали ли они, по чьей воле они оказались вдали от дома, и вернулись ли раскаявшимися, — об этом документы умалчивают. С лживыми доносчиками не церемонились: «маниакальный доносчик» Ян Нимзе, прусский подданный, живший поначалу в Варшаве, затем — таможен-

ный чиновник в Риге, наконец, в Гатчине, Бельске и Вильно, который забрасывал III Отделение «излишними» сведениями о заговорах, в конце концов, оказался в Шлиссельбурге. Подобно этому, Иван Шервуд, который за весьма точные сведения о декабристах получил 8 февраля 1826 года от царя эпитет «Верный», быстро продвинулся по службе до ранга полковника, тем не менее, уже в 1833 году за «ложный донос» также был посажен в Шлиссельбург и до 1856 года находился под полицейским надзором.

Одно несомненно: все приговоры, как бы они ни были обоснованы и какой бы вид наказания они ни предусматривали, означали расставание с родным домом, учёбой, привычными занятиями, часто — утрату имущества и сословных прав, все они были связаны с ужасами пути в расположенные за тысячи километров места. Этот путь особенно врезался в память, большинству ссыльных он казался истинным преддверием ада: и тогда, когда они ехали в кибитке, обречённые на все неудобства езды и ночлега на почтовых станциях, и тогда, когда они шли пешком, этап за этапом, часто — во избежание побега — привязанные к одному бревну или скованные одной цепью, с тяжёлыми кандалами на ногах... Но и тогда, когда была пущена железная дорога и часть пути ссыльные ехали в её вагонах (во второй половине столетия — и в товарных, которые, однако, никогда не перегружались сверх меры), а затем — на повозках, пешком или по реке на пароходах и баржах, всегда под конвоем — эту часть испытаний ссыльные всегда вспоминали с величайшим содроганием. Грязные, смердящие «этапы» и «полуэтапы», т.е. ночлеги в специально предназначенных для этой цели тюрьмах, кишущих насекомыми, соседство уголовников, убийц и грабителей, сцены драк, оргии и крики — навсегда оставались в памяти. Однако в XIX веке это было лишь преддверие ада — политические преступники на этапах и в пересыльных тюрьмах пользовались услугами прачек и кухарок, нанимали для обслуживания простых заключённых, выходили — под охраной — за покупками в город и т.д.

Позднее условия отбывания наказания часто оказывались не столь ужасающими. Даже на каторге — хотя уже само слово вызывало ужас — польских ссыльных не задерживали надолго, о чём пишут все мемуаристы. Работы по просеиванию руды, на солеварнях или винокуренных заводах, как правило, через несколько месяцев сменялись — несмотря на самые суровые запреты — работой в канцелярии, как тогда говорили, «писательской». В кабинетах разных начальников ссыльные заполняли опросные листы — иногда о самих себе! — и го-

товили самые разнообразные отчёты. До столиц было далеко, а умеющих писать и читать — кот наплакал: в шахты и на заводы было выгоднее посылать уголовников. Крепостей в Сибири было мало, и они находились в ведении военной администрации. Здесь, как и в армии, можно было встретить и садиста, подобного описанному Фёдором Достоевским и его польскими сотоварищами Ваське Кривцову, безнаказанно издевавшемуся над находившимися под его началом заключёнными омской крепости (см. главу XII).

Как правило, образованные, знающие иностранные языки польские каторжники и ссыльные охотно принимались в домах местных сановников и богатых купцов в качестве учителей языков, рисунка, музыки, танцев; они руководили оркестрами, давали концерты и т.д. Столица было далеко, ревизоры появлялись редко, а местная элита была заинтересована в том, чтобы у их детей были квалифицированные воспитатели, которые могли дать им знания, необходимые для сдачи экзаменов в гимназии и высшие учебные заведения. Аналогично этому, несмотря на запреты, врачи занимались медицинской практикой, об их мастерстве ходили легенды, а начальники, обязанные следить за исполнением поступающих из центра приказов, сами, а особенно — их жены, предпочитали обращаться за советом к своему подчинённому доктору-каторжнику с высшим образованием, а не к местному фельдшеру. Они также смотрели сквозь пальцы на осуществляемую «политическими преступниками» хозяйственную деятельность. Каторжник Антоний Бопре управлял большой усадьбой, где работали его товарищи-каторжники, а также солдаты, выплачивая за их работу полагающийся налог в государственную казну, и занимался обширной медицинской практикой. В счета, которые он вёл, тщательно вносились суммы, выдаваемые на водку и взятки для чиновников и полиции. Михал Грушецкий — уже в качестве не каторжника, а поселенца — занимался процветающей усадьбой, также используя труд многочисленных ссыльных крестьян; он также ссужал деньги в рост, и как говорили, вся окрестность сидела у него в кармане. И это были не единичные факты.

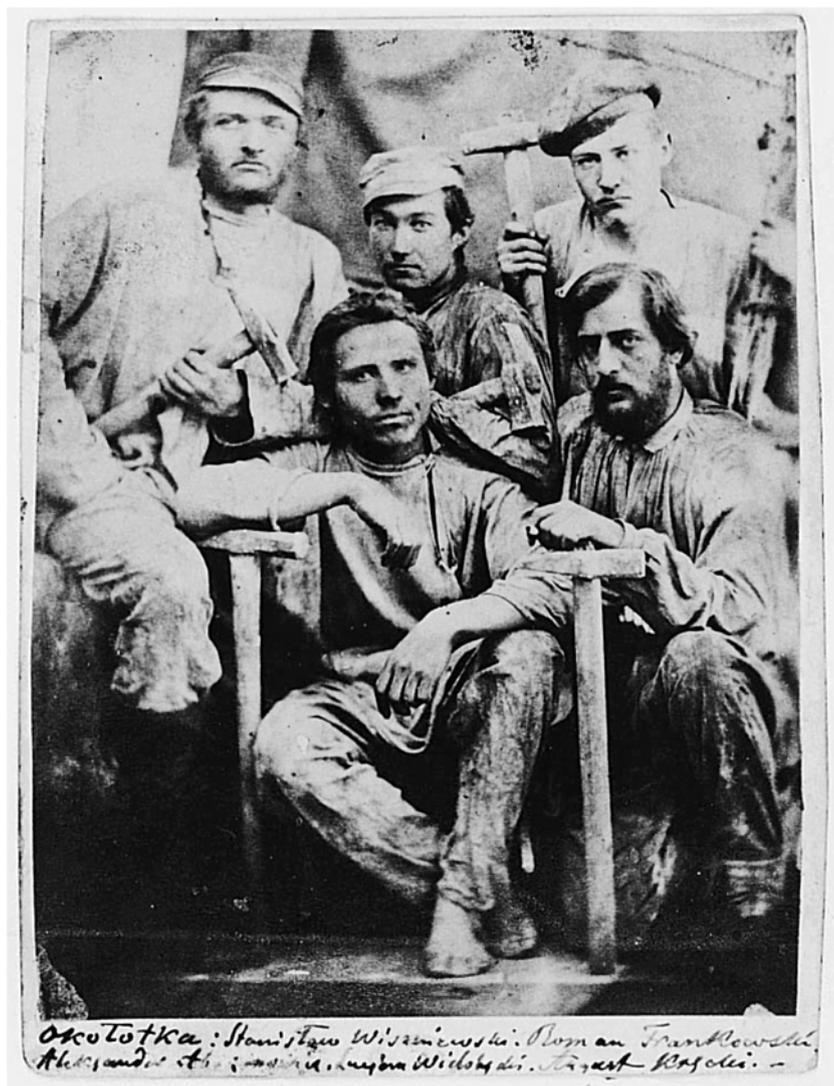
Когда приехали — как и вслед за декабристами — польские жёны и невесты, появились польские домашние очаги, где одинокие ссыльные могли согреться, получить помощь в случае болезни, вместе провести религиозные праздники, особенно — Рождество и Пасху, а также — национальные (торжественно отмечалось 3 мая, а также 29 ноября, годовщина смерти Шимона Конарского). Радостно отмечались также именины в семьях, в Польском Доме у Антония Бопре,

в мужском кругу у Каспера Машковского, участника заговора Конарского.

Самой тягостной была тоска по родному дому, письма не приходили месяцами, ибо подвергались местной цензуре, а затем переправлялись в III Отделение, следовательно, не было известий о родных и близких. Каторжники были лишены возможности писать письма, однако, случались оказии переслать известия о себе через друзей-поселенцев и жён сосланных, прежде всего — через Антонииллу Рошковскую, неспроста называемую «нерчинской королевой». Декабрист Лорер запомнил престарелого польского ссыльного, с которым он познакомился в Кургане, в Тобольской губернии. Когда его спросили, почему он каждое утро гуляет по одной и той же дороге, а не выбирает других живописных окрестностей, он ответил: «Каждый раз, когда я гуляю по этой дороге, меня радует мысль, что хоть на две версты я приближаюсь к своим...»⁹.

Восхищаясь красотой сибирских пейзажей, они неустанно сравнивали их с родными, с детства любимыми. Условия жизни постепенно становились сносными, особенно для тех, кому семьи помогали материально. В домах каторжников и поселенцев появлялись привезённые из Петербурга фортепиано, составлялись богатые книжные собрания. Каторжник Руфин Пётровский, известный мемуарист, отбывающий срок на винокуренном заводе под Тарой в тобольской губернии, сообщает: «Я никогда в эмиграции во Франции не жил так комфортно, как в Сибири (и не ел столь обильно!)» (см. главу VI). И всё-таки, несмотря на это, именно он после семнадцати месяцев относительно удобной жизни сбежал — причём, успешно — туда, где его жизнь будет трудной и голодной...

Конечно, были случаи нищенского существования, о котором пишут в своих письмах ссыльные, жалуясь на цингу и другие болезни. Им старались помочь, организуя так называемые общества, кассы взаимопомощи, куда систематически перечислялись денежные и вещевые поступления с родины¹⁰. При обществах создавались и библиотеки. Даже в армии можно было встретить нормальных командиров, легко соглашавшихся на всякого рода послабления, смотрящих сквозь пальцы на нарушение предписаний. Таким образом те из осуждённых, у кого было какое-то образование, нанимались в качестве учителей, жили уже не в казармах, а в нанятых домах, а в Восточной Сибири, как свидетельствуют записи ссыльных, они даже носили не мундиры, а гражданское платье...

Станислав Вишневецкий, Роман Франковский, Александр Абаканович, Люциан Велёбыцкий и Аугуст Кренцкий в одежде для работы в солеварне

О неизбежных в условиях постоянного общения конфликтах ссыльные этого периода писали неохотно, иногда в сохранившихся письмах звучит лишь отголосок каких-то столкновений. Авторы воспоминаний эти вопросы обходят молчанием, они создавали легенду о стойких, благородных, солидарных польских сибиряках, являющих пример несгибаемости и исполняющих цивилизационную миссию в отсталой в развитии стране изгнания. По сути, эта легенда была правдивой: члены «Содружества польского народа», участники заговора Конарского, которые задавали тон в период между восстаниями, составляли необычайную группу, связанную узами дружбы со школьной скамьи и семейными отношениями. Они истово заботились о нравственности ссыльных, прививая им кодекс поведения, письменно зафиксированный в уставе своих организаций, на оживлённую деятельность которых местные власти смотрели сквозь пальцы. Неудивительно, что они оставили после себя самые лучшие воспоминания в местах подневольного пребывания. Однако это не означает, что их жизнь протекала совершенно без конфликтов, о которых опосредованно свидетельствуют письма, официальные документы, но только не воспоминания.

Большинство осуждённых в первой половине XIX века смогли вернуться на родину — за небольшими исключениями (к ним относился, например, ксёндз Пётр Сцегенный, которого лишь перевели из Восточной Сибири в Пермь, а на родину он вернулся только в 1871 году) — на основании коронационного манифеста Александра II от 1856 года. Лишь немногие (как, например, последователь Конарского, Пётр Боровский) решили остаться. Возвращение на любимую родину не всегда оказывалось столь радостным, как ожидалось. Если они не возвращались в своё поместье — пусть даже пришедшее в упадок, — не получали работы на железной дороге или в имении Замойского, куда чаще всего принимали на работу бывших ссыльных, то могло оказаться, что семья в деревне терпит нужду, и прибывший старый отец становится для неё лишь дополнительным бременем. Отсюда — столько отчаянных прошений о вспомоществовании, которые мы находим в делах Правительственной комиссии внутренних дел в Варшаве... А также — случаи возвращения в Сибирь, где можно было легче устроиться, чем на родине...

Едва завершилось возвращение помилованных на основании упомянутого манифеста, как уже новая волна ссыльных отправлялась в польскую Сибирь. Она началась с участников патриотических манифестаций 1861 года и членов первых тайных кружков 1862 года

(большинство из них относительно скоро вернулись домой). Потом наступили массовые, говоря современным языком, депортации, насчитывающие уже более 40 тысяч осуждённых на разные формы ссылки участников Январского восстания (за Ноябрьское восстание 1830 года и заговоры между восстаниями было сослано около 1300 человек!). После начала восстания 22 января 1863 года и в его начальный период военно-полевые суды щедро выдавали весьма суровые приговоры: прежде всего, смертная казнь через расстрел или повешение, а также — пожизненная каторга. Следует отметить, что первые виселицы сооружены уже в августе 1862 года; были повешены Людвик Ярошыньский, Людвик Рыль и Ян Жоньца — участники неудавшегося покушения на великого князя Константина и Александра Велёпольского. Всего на основании судебных приговоров за участие в восстании были казнены 669 человек, не считая добитых на поле битвы и убитых в других обстоятельствах. В более поздний период, когда миновал шок, вызванный взрывом «бунта» (согласно официальной терминологии), а власти поняли, что они не могут расстрелять или повесить всех взятых в плен, приговоры, так сказать, смягчились. Как поступить с задержанными, подозреваемыми, заключёнными, как разгрузить непредвиденную тесноту в казематах, — эта тема обсуждалась окружающими Александра II сановниками, и эти обсуждения чрезвычайно интересны¹¹, ибо в них сталкивались различные взгляды на решение польского вопроса. Наиболее крайний взгляд был представлен и последовательно проводился Муравьёвым-вешателем в северо-западных и юго-западных губерниях, на так называемых отторгнутых землях. Помимо смертной казни (180 приговоров в Вильненском военном округе, которым он командовал; это значительное количество, если учесть территорию, на которой шли бои и число принимавших в них участие лиц), Муравьёв использовал подавление восстания прежде всего для деполонизации этих территорий: подписывая приговоры, он никогда не забывал о конфискации имущества, или об обязательстве продать его в течение определённого, обычно краткого времени; в подчинённых ему губерниях часто применялся принцип коллективной ответственности, в силу которого из Гродненской, Вильненской и Ковельской земель выслались целые усадьбы со всем их окружением (скот, птицу и т.п. продавали на аукционах). Один из самых громких случаев — это деревня Ибяны, о которой упоминают мемуаристы. Например, Эльжбета Табеньская¹² встретила нескольких несчастных женщин с детьми из этой местности на пути в Тобольск —

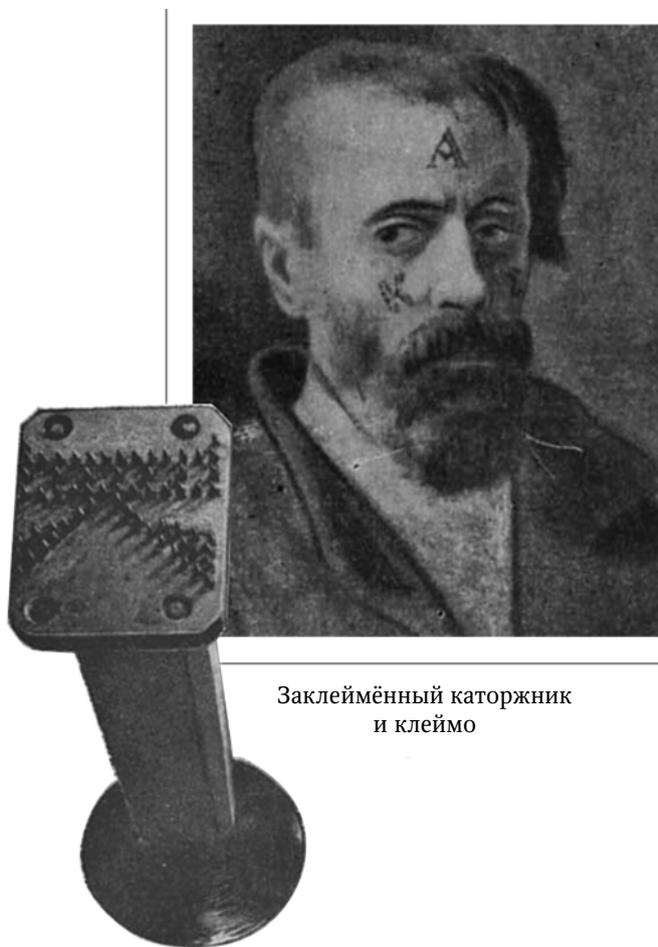
место своей ссылки. В этих случаях крестьяне, преимущественно безграмотные, не вполне понимали, за что они были сосланы (чаще всего — в Самарскую и Томскую губернии), и засыпали местные власти надиктованными и подписанными крестиками заявлениями, что они страдают невинно, ибо ни в каком «бунте» участия не принимали, на что в большинстве случаев ответа не получали.

Во второй половине XIX века разнообразие наказаний возросло. Как уже упоминалось, поражение Январского восстания привело к первой в истории массовой депортации его участников вглубь империи. Картоотека высланных после Январского восстания насчитывает 40 тысяч имён¹³, и к тому же, безусловно, не охватывает всех репрессированных. Интересно, что ни Министерство внутренних дел, ни III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии не располагали точными данными о числе сосланных за участие в Январском восстании. Когда в 1872 году попытались установить, сколько человек оказалось на «водворении», пришлось удовлетвориться оценочными данными, а именно: сослано около 40 тысяч человек, половина из которых отправлена на поселение¹⁴. И эта цифра, бесспорно, занижена.

Нелегко было разместить такую массу оторванных от родных домов людей. На множество дел, на трудности, связанные с нахождением помещений, снабжением и т.п. жаловались губернские начальники и подчиненные им чиновники, а также полиция и жандармерия. Более того, с мест поступали отчаянные рапорты о тюремных условиях, эпидемиях, нехватке продовольствия и т.д. Об этом писали не только в 1864–1866 годы. В январе 1868 года енисейский губернатор извещал III Отделение о том, что «из партии, состоящей из 135 арестантов, сопровождаемых на каторгу, семеро умерли, тридцать девять отморозили различные части тела, четверо из них — в безнадежном состоянии, а один пропал без вести». В качестве причины он приводил не только сильный ветер и мороз, но и отсутствие одежды и обуви, а также еды. На местах для них нет ни помещений, ни какого-либо занятия, что вынуждает их побираться. Также в результате переполненности в больнице в Красноярске преобладают, по меньшей мере, триста больных, и многие заболели тифом¹⁵.

Наказание в виде отправки в армию во второй половине XIX века перестало играть основную роль, особенно после военной реформы. Лишь в начале 1863 года из Царства Польского в русскую армию в качестве наказания было отправлено, по меньшей мере, три тысячи человек¹⁶; из «отторгнутых» земель их было немногим меньше.

Приговоры, которые выносились в Варшаве, Вильно, Киеве, а также во Владимире, особенно — предусматривающие каторжные работы, не учитывали сибирских условий (например, здесь почти совсем не было — за исключением Омска и Усть-Каменогорска — крепостей, а большинство рудников на нерчинской каторге уже исчерпало свои запасы), а, следовательно, создавали для местных властей большие трудности. Например, из винокурни в Александровске (также не действующей) бежал Павел Фурманьский, свыше 50 лет, по описанию —

Заклеймённый каторжник
и клеймо

блондин, глаза серые, рост 2 с половиной аршина и $\frac{3}{4}$ вершка, нос длинный, лицо бритое, на правой руке небольшие шрамы от ран, крестьянин из деревни Халупа Вольска в Серадском воеводстве. Он был осуждён в 1863 году на 20 лет каторги в шахте; поскольку по дороге трижды пытался совершить побег. В четвёртый раз он бежал из Александровска под видом солдата в отпуске, вначале под фамилией Анджей Марчак, потом — Войчеховский. Его поймали, и на этот раз присудили к бессрочной каторге, с приковыванием рук к тачке в течение 3 лет. Из Варшавы в Сибирь он выехал по железной дороге 16 декабря 1865 года¹⁷. Далее путь от Тобольска до Иркутска прошёл пешим этапом, изредка — на подводах; 31 июля 1866 года его пешком и в кандалах отправили в Акатуй. На основании манифеста от 16 апреля 1866 года наказание ему было снижено до 10 лет (!)¹⁸. 15 октября того же года он оказался на нерчинской каторге; здесь — как объяснял своему начальству комендант Нерчинских заводов — не было работ «с приковыванием к тачке»; после длительного обмена письмами 5 марта 1867 года Фурманьского отослали на золотые прииски в Кару¹⁹.

Наряду с массой каторжников, приговорённых к разным видам тяжких работ, значительная часть повстанцев, особенно крестьянского происхождения, попадала в отряды, в литературе именуемые на русский лад — арестантскими ротами гражданского ведомства. В этих ротах они должны были отбывать принудительные работы в течение времени, предусмотренного приговором. Существовал ещё один вид наказания, вроде бы более мягкий, определяемый как принудительные работы при арестантской роте (осуждённых называли «приротниками» и они выполняли более лёгкие работы). Арестантские роты существовали и ранее, но в первой половине XIX века в них отбывали наказание почти исключительно уголовники (нам известно лишь тридцать с чем-то случаев включения в роты участников Ноябрьского восстания, и двадцать два — заговорщиков, причём преимущественно — в инженерные роты). В 1863 году арестантские роты гражданского ведомства были организованы почти во всех губерниях (также и в Королевстве Польском — в Модлине и Замостье); число поляков в данной единице не должно было, согласно инструкции, превышать 20%, то есть 200 польских арестантов в каждой роте (двадцатипроцентная норма была обязательна и в армии, где её строго соблюдали). Однако из точных сведений, которыми мы располагаем о двух ротах — Архангельской и Казанской, — видно, что этой инструкции следовали не всегда. В Архангельской роте насчитывалось почти 800

человек, она была самой многочисленной (здесь во много раз была превышена двадцатипроцентная норма числа поляков), и мы знаем о ней более всего благодаря воспоминаниям Константия Боровского²⁰. В Казанской роте поляков было меньше, и начальство, несмотря на возражения, требовало пополнить ее бывшими повстанцами²¹. Из рассказа Боровского следует, что никакой особой работы для арестантов не было (кроме уборки снега, или уборки и разного рода обслуживания в домах сановников). Осуждённый сравнительно рано автор ничего не знал о циркуляре от 22 июня 1864 года²², предписывавшем отправлять всех осуждённых на арестантские роты после истечения срока наказания (который часто сокращался по царской милости) на поселение (*водворение*) в Сибирь. Те, у кого срок истёк раньше, вернулись домой. Боровский оказался в Сибири и считал это своеволием архангельских властей.

Тяжелее всего пришлось рабочим арестантских рот в Курске и Орле, которые были заняты на строительстве южной линии железной дороги. Но и заработки здесь были выше, поэтому они не протестовали, когда срок работ продлевался, а часть работников даже после истечения срока наказания старалась остаться в европейской части России. Как правило, они получали согласие на пребывание в Вятской губернии под полицейским надзором. Остальные отправлялись на жительство в Сибирь.

Этот новый вид наказания: *водворение*, до тех пор почти не известный «политическим преступникам», как называли польских бунтовщиков, — в отличие от «государственных преступников», к которым относили русских, — предусматривался главным образом для «непривилегированных» сословий и был задуман как средство колонизации малозаселённых территорий империи; более всего таких «водворенцев» оказалось в Томской губернии — сюда высылали целые посёлки с «отторгнутых земель», чаще всего применяя принцип коллективной ответственности. Достаточно было, если кто-то из усадьбы был в повстанческом отряде, или какая-то семья поставляла повстанцам провиант или фураж, чтобы весь посёлок, насчитывавший несколько сотен человек, был выслан в Сибирь (самый громкий случай — упомянутые выше Ибяны, но подобных случаев было намного больше). Высылка не предусматривала возвращения на родину, на ссыльных не распространялись амнистии и акты помилования. Впрочем, мы знаем немало случаев, когда высланные крестьяне получали согласие на возвращение в родные места. Трудно сказать, почему одним категори-

чески отказывали, а другим разрешали вернуться. Скорее всего, дело было во взятке, но этому у нас нет никаких доказательств.

Приговоренных к проживанию в Сибири лиц, которые принадлежали к привилегированному сословию и доказали своё шляхетское происхождение, переводили на жительство под надзором полиции. Эту меру наказания тоже применяли в первой половине XIX века. Она относилась к наиболее мягким, если не предусматривала лишения сословных прав и секвестра имущества (для этого существовало определение *житьё*), и была более жёсткой, если приговор предусматривал дополнительные кары (*жительство*). Таких различий придерживались, прежде всего, в Западном крае, где правил Муравьёв-вешатель, в Королевстве Польском эта терминология практически не применялась. Чаще всего на жительство ссылали в административном порядке — либо на определённое количество лет, либо с неопределённой формулировкой «до устранения в крае беспорядков».

Мера наказания в виде *поселения* была, как правило, результатом судебного приговора (иногда с указанием количества лет, чаще всего — бессрочно), её реже применяли в административном порядке; она служила также продолжением более сурового наказания: каторжника по истечении срока каторги переводили на *поселение*, лишь из поселения он мог хлопотать о выезде из Сибири и переезде в какую-нибудь из внутренних губерний империи и замене поселения *жительство*м, а затем — о возвращении сословных прав и освобождении (после двух лет проживания в европейской части России) от полицейского надзора. Наконец, уже в европейской части России у него появлялся шанс вернуться на родину. Это зависело как от мнения местных властей, так и от согласия властей той губернии, откуда ссыльный прибыл. В Королевство Польское вернуться было легче, в Западный край — значительно труднее.

Все эти послабления не происходили автоматически: они были связаны с очередными амнистиями общего характера (за 1866–1883 годы мы насчитали девять манифестов и указов, которые касались участников Январского восстания²³), а также с индивидуальными случаями монаршей милости. Чем чаще родственники направляли прошения об облегчении судьбы своих близких шефу III Отделения, министру внутренних дел и к подножию трона, тем больше были их шансы на освобождение из Сибири. Те же, за кого никто не просил, кто жил у чёрта на куличках, вдали от путей сообщения, мог даже не знать о своих правах. О таких случаях мы рассказываем в следующих главах

книги. Вопреки распространённому мнению о том, что манифест от 15 мая 1883 года положил конец политическим ссылкам, оказалось, что ещё более десятилетия поляки, участники восстания 1863–1864 годов, отбывали наказание в разных частях империи. Лишь манифест Николая II от 14 ноября 1894 года (провозглашённый почти сразу после смерти Александра III) и следующий — от 14 мая 1896 года позволили остаткам сосланных январских повстанцев вернуться на родину (кроме огромной массы тех, кто по разным причинам, добровольно или вынужденно, остались на местах своего проживания в империи).

Ссылки после Январского восстания бесспорно были кульминацией в истории испытаний Сибирью в XIX веке. О них и написано гораздо больше, несмотря на распространённое убеждение, что самыми тяжкими и мучительными были времена Николая I (царствовал в 1825–1855 гг.). Ссылки после поражения Январского восстания были единственным в XIX веке случаем массовых этнических депортаций как существенной составляющей внутренней политики Российской империи, направленной на сохранение её целостности. Следующие наступили после 1905 года.

Значительно более многочисленная после 1863 года масса ссыльных и их большее сословное разнообразие (среди них было много лиц из простонародья, из люмпен-пролетариата и крестьян, которые служили так называемыми *кинжальщиками* в национальной полиции и которые при случае сводили личные счёты) привели к тому, что среди ссыльных всё чаще возникали конфликты. В отличие от их предшественников, которые старались умалчивать обо всём том, что разрушало легенду солидарности ссыльных, январское поколение отражало это в своих воспоминаниях и письмах. Многие из них оказались в трудном материальном положении, особенно, если не поступала помощь из дома. А с течением времени связь с семьёй ослабевала... Сохранившиеся письма и воспоминания содержат множество жалоб такого рода. В это время администрация более жёстко придерживалась запретов, хотя и тогда местные потребности часто брали верх, и многие сосланные после Январского восстания давали уроки, работали в различных конторах и канцеляриях, в сфере частного предпринимательства, нередко зарабатывая значительные суммы (особенно — на золотых приисках). Как и в предшествующий период, наиболее способные занимались научными исследованиями. Подобно тому, как ранее это сделал Томаш Зан в Оренбурге, теперь Бенедикт Дыбовский и его сотрудники положили начало серьёзным исследованиям фауны и флоры Байкала и внесли огромный,

высоко оценённый уже их современниками вклад в изучение и развитие цивилизации земель — мест их изгнания.

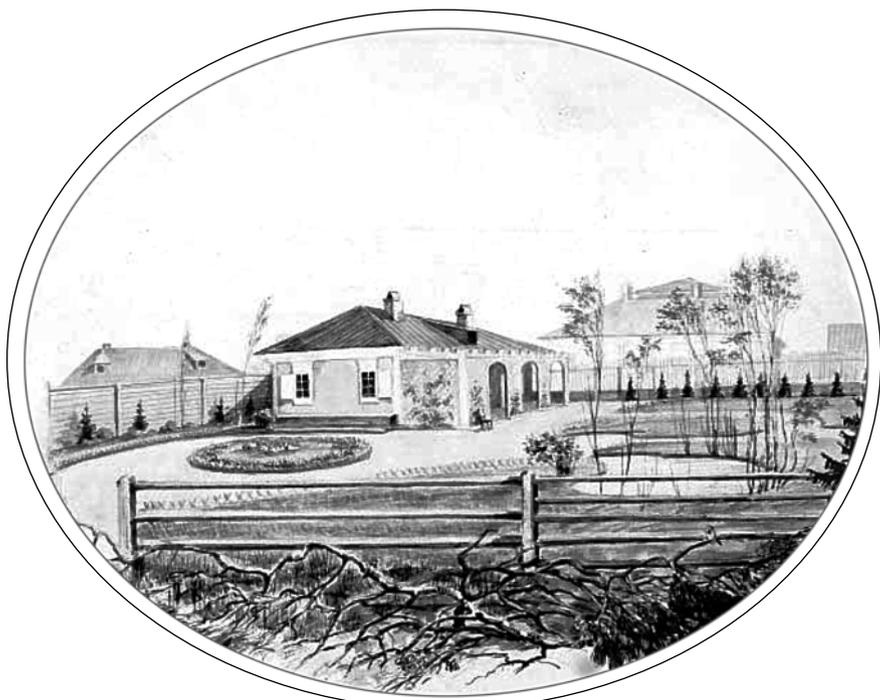
Как в первой, так и во второй половине XIX века, наиболее мучительной ссылкой была для «рецидивистов» — тех, кто предпринимал попытки побега или вступал в тайные заговоры: для участников упомянутого омского дела (1833–1837) и Петра Высоцкого с товарищами, которые пытались бежать в 1835 году, для участников забайкальского восстания 1866 года. Высоцкий оказался в одном из наиболее тяжких мест отбывания каторги — в Акатуе, где какое-то время был прикован к тачке, что было редкостью (вопреки чёрной легенде о Сибири). Но и у него, хотя он был каторжником, спустя некоторое время под Акатуем завелось собственное хозяйство, где он изготавливал популярное мыло с собственными инициалами, которое расходилось по всей территории ссылки (оно было под Тарой Тобольской губернии у Руфина Пётровского). Участники забайкальского восстания в июне 1866 года (кроме четырёх приговорённых к смертной казни руководителей) последними получили разрешение на возвращение на родину — в конце восьмидесятых и в девяностые годы. Однако, некоторые из них были сочтены обычными уголовниками, и им вообще было отказано в праве на возвращение.

Правда, и на этот раз возвращение на родину отнюдь не было столь радостным, как его могли себе представлять ссыльные Январского восстания. Их отнюдь не приветствовали как героев, отношение к событиям 1863–1864 годов было разным, причём критические голоса преобладали. Ян Цишек с горечью вспоминает, как его встретили в 1866 году после возвращения в Краков: «Сибиряки идут, дёгтем воняют!». Другой автор заканчивает свои воспоминания о пребывании в ссылке и возвращении на родину словами: «И тут началась моя настоящая каторга»²⁴.

Действительно, если у вернувшихся не было какого-то имени, или семья завладела их имуществом (а такое тоже случалось), если оказывалось, что в деревне их никто не ждёт, а в своём пожилом возрасте они — только иждивенцы, которых нужно содержать, то перед ними вставал нелёгкий вопрос: что делать? Часто они просто шли просить милостыни... Местные и центральные власти были засыпаны прошениями о вспомоществовании, наконец, дело дошло до того, что разрешение на возвращение давалось при условии, что уезжающий (в отличие от первой половины XIX века, когда расходы на обратную дорогу покрывала казна) подпишет обязательство о том, что он не будет об-

ращаться в казну за какой-либо финансовой помощью. Некоторые, находившиеся ещё в расцвете сил, как Игнаций Дрыгас, даже уезжали батрачить в Германию. Свои воспоминания Дрыгас заканчивает 5 мая 1892 года знаменательными словами: «И теперь я живу спокойно, благодарю Бога, работаю и постоянно мечтаю, что Бог мне ещё позволит дожить до того времени, когда польскому народу будет лучше, и мы сможем всем смотреть в глаза, не так, как сегодня, когда всякий нами помыкает»²⁵. Однако он не дождался обретения независимости, умер в 1906 или 1907 году у одной из своих дочерей в Германии.

Самые бедные, — а их было немало, — пользовались поддержкой Общества взаимопомощи сибирияков, действовавшего во Львове и Кракове открыто, а в Варшаве — полулегально. Многие находили в старости пристанище в краковском приюте. Лишь те, кто дожил до обретения независимости, получили военные пенсии, офицерские зва-

Дом каторжника Вацлава Лясоцкого в Усолье

ния, специальные мундиры, медали, а некоторые даже ордена *Virtuti Militari*, были окружены уважением общества и занимали почётные места на всех государственных торжествах. Последний из ветеранов пережил Вторую мировую войну и, как сообщала пресса в 1949 году, активно участвовал в выборах в ПНР!

«Январская волна» ссылок растянулась на 1863–1870 годы. Следующая волна ссылок поднялась одновременно с появлением польских деятелей русского народнического движения, польских участников социалистических кружков, I и II Интернационала, а в период революции 1905 года она охватила массы её участников, найдя своё продолжение — уже в совершенно иной форме — после 1917 года.

Следует всё же помнить, что во времена правления Романовых ссылка имела целью изолировать польских «бунтовщиков» от остального общества и воспрепятствовать их влиянию на соотечественников, однако никогда её целью не было физическое уничтожение путём голодного истощения и нечеловеческих условий существования. Поэтому полным недоразумением является определение описываемой системы как «царского Гулага»: российское государство в XIX веке было автократической монархией, но у него не было ничего общего с тоталитарной системой. Целью ссылки была изоляция и ресоциализация, а также колонизация бескрайних пространств империи. Как только признавалось, что ссыльные уже стали лояльными подданными царя, им разрешалось возвращение: сначала из Сибири — в так называемые внутренние губернии, потом — всё ближе к их родным местам, наконец, сосланным из западных губерний разрешался переезд в Королевство Польское, и лишь в самом конце — в места их проживания. Лишь ксендзов с трудом выпускали на родину, и часто бывало, что они оказывались в состоянии крайней нужды²⁶; обычно спустя некоторое время они выезжали в прибалтийские губернии или за границу, но бывало и так, что они встречали смерть в пожилом возрасте в ссылке. Но никто не вынуждал ссыльных работать сверх сил, они получали, хотя и нищенское, денежное пособие, им оплачивались аренда жилья и дрова, их не высылали в колонизируемые безлюдные районы, где условия жизни противоречили всяким нормам цивилизации. Власти прекрасно знали о золоте на Колыме, но пришли к выводу, что обеспечение там каторжникам и поселенцам сносных бытовых условий делает это предприятие невыгодным. Даже в Якутии, которую можно назвать «карцером» Сибири, ибо туда ссылали наиболее непокорных январских повстанцев, никто из 300 сосланных туда в то время чело-

век не умер голодной смертью, а многие просили — уже после восстановления в правах — работу на тамошних золотых приисках в надежде сколотить состояние. По сей день жив потомок одного из таких участников восстания, двоюродный дядя которого, Леонард Мураньи, вернулся в Краков с состоянием, позволившим ему построить первую в этом городе паровую столярную мастерскую, а брату обеспечить членство в краковском магистрате. Трудно себе представить, чтобы кто-то в советском лагере мог сколотить состояние, пусть небольшое, или получить научную степень, как, например, Бенедикт Дыбовский и его товарищи по каторге... А ведь среди депортированных в тридцатые и сороковые годы XX века поляков было много способных, образованных и талантливых людей. Их потенциал растрачивался путём беспредельной эксплуатации в рудниках, на лесоповале и тому подобных работах, причём в самых страшных условиях, какие только можно себе представить.

Бегство из мест изоляции, побег «на свободу» сопутствовали человечеству с незапамятных времён. Мы наверняка не ошибёмся, утверждая, что с тех пор, как были созданы тюрьмы и когда стали высылать «в места не столь отдалённые» и обычных преступников, и лиц, находящихся в конфликте с властями, непрерывно осуществлялись попытки — удачные или неудачные — вырваться из-под контроля и покинуть места изоляции, где бы они ни были организованы: в тюремных зданиях и в открытом пространстве, окружённые настоящей стеной или забором, или недоступные исключительно в силу своего географического положения.

Среди людей, приговорённых к заключению, к ссылке в разных её видах неизменно находились личности, которые не могли примириться с ограничением своей свободы, которые бунтовали и, повинувшись какому-то непонятному другим внутреннему побуждению, готовились к побегу. Они предпринимали эти попытки многократно и, несмотря на самые суровые наказания, не переставали мечтать о том, как вырваться из неволи. Громкие побег с использованием подкопов, вертолётов, иных средств новейшей техники служат темой сенсационной литературы, фильмов, телевизионных сериалов, таким образом, у истории «бегства» нет и не будет конца.

В зависимости от эпохи и географической территории у побегов есть своя специфика, хотя сам факт психической невозможности смириться с заключением, изоляцией от остального мира наверняка в психосоциальном смысле везде аналогичен. Оставим эти вопросы на рассмотре-

ние специалистов по социальной психологии. Предметом нашего исследования остаётся Россия XIX века, господствующая в ней система репрессий по отношению к политическим противникам (распространявшаяся и на обычных преступников, судьбами которых пока никто из историков не занимался²⁷) и необычайные в своих проявлениях побеги из мест изоляции, прежде всего — из Сибири.

Это явление никогда не носило массового характера. Побег осуществляли отдельные личности, или группы, вдохновлённые их примером. Попытки вырваться из неволи имели место с незапамятных времён. Наибольшую известность, несомненно, приобрёл Мауриций Бенёвский, знаменитый международный авантюрист, участник барской конфедерации. То, что произошло после неё, можно с уверенностью назвать первой столь масштабной ссылкой польских солдат вглубь российской империи. Надежды на высвобождение из-под царского надзора питали, конечно, и участники Барской конфедерации, которые переходили на сторону Пугачёва.

Легенда Бенёвского, распространившаяся благодаря изданию его воспоминаний и романтической литературе, служила примером всем тем изгнанникам XIX века, которые строили планы побега и верили в их осуществление, позволяла не терять надежды.

Заклѳчѳнным и ссыльным за участие в восстании под руководством Костюшко разрешил вернуться на родину — наперекор ненавистной матери, Екатерине II — Павел I. Пленные времѳн наполеоновских кампаний, похода на Россию 1812 года, как французы, так и поляки, в конце концов, покинули Россию, хотя и не все, благодаря помилованиям Александра I.

Всякий раз какая-то их часть оставалась навсегда в России: одни заводили семьи, другие находили доходное занятие, третьих не прельщала перспектива отрабатывать барщину в родном краю. В Сибири ведь не было крепостного права, а земли здесь было предостаточно. Кому-то просто не удалось вовремя уехать... Поэтому каждое очередное поколение польских ссыльных встречалось в местах изоляции — за и перед Уралом — со своими предшественниками из предыдущих десятилетий.

Возникновение в результате Венского конгресса (1815 г.) Королевства Польского и дарование ему Александром I конституции 1815 года изменило ситуацию. С этих пор, согласно действующему закону, жители этого маленького государства, связанного с Россией личной унией — царь всея Руси короновался и на польский трон — должны были отбывать наказание исключительно в своей стране, их нельзя было ссылать

Ссылный после январского восстания Зыгмунт Фудаковский
в окружении двух стражников

Карта: Российская империя

Империя в XIX веке

вглубь Империи. Так и произошло с членами заговорщицких кружков, которыми занялся Николай Новосильцев, и членами Патриотического общества, представшими перед Сеймовым судом, (который, отметим, отнесся к ним весьма мягко). Иначе обстояло дело с поляками, происходившими из северо-западных и юго-западных губерний: они были подданными царя (а не польского короля) и должны были подчиняться законам империи, а не конституции Королевства. Поэтому в сибирской ссылке оказались, например, Северин Кшижановский, который уже не вернулся домой из Тобольской губернии, а умер в изгнании после тяжёлой болезни, или Пётр Мошинский, также отбывавший наказание в Западной Сибири, который основал библиотеку, доступную всем тамошним полякам, опекал многих ссыльных, в том числе талантливого художника Игнация Цейзика, и другие.

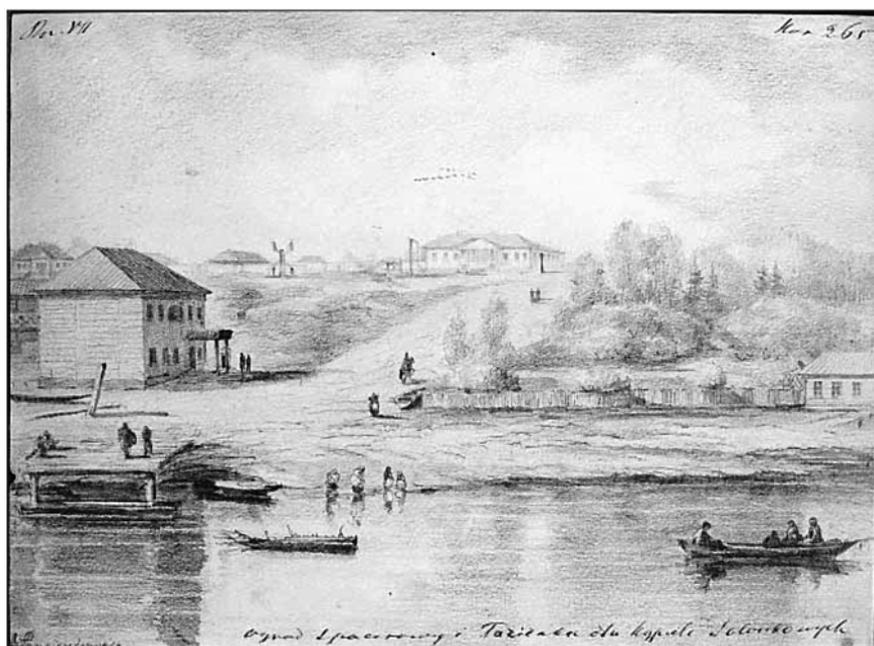
Подобным образом — многочисленными ссылками вглубь империи — закончился процесс филوماتов и филаретов в Вильно, а также связанных с ними школьных кружков в Кейданах, Крожах, Свислочи. Наказания бывали различными: от перевода в Казанский университет, что иногда создавало возможность блестящей научной карьеры, от преподавания в русских провинциальных школах, до тюрьмы в Бобруйске (Циприан Янчевский), или, наконец, ссылки на нерчинскую каторгу, где след узников терялся, как это было в случае Яна Моллесона или Юзефа Тыра.

Особую группу составляли духовные вожди молодёжи, признанные наиболее виновными и высланные на так называемую оренбургскую линию: Томаш Зан — в Оренбург, Ян Чечот — в Уфу, Ян Виткевич и Адам Сузин — в Орск, Виктор Ивашкевич — в Троицк, Алоизий Песьяк — в Верхнеуральск. Чечот, Сузин и Зан оказались — после отбытия тюремного наказания в местных крепостях — в ссылке; Ивашкевича, Песьяка, Виткевича — забрали в армию, в Отдельный оренбургский корпус.

Мысли о побеге в кругу изгнанников двадцатых годов, по всей видимости, не возникали²⁸. Скорее, здесь доминировало убеждение, что необходимо прожить трудные годы достойно, заниматься полезным трудом в надежде, что он позволит в какой-то момент «заслужить» милость императора и легальное возвращение на родину. Во всяком случае, не сохранилось никаких свидетельств о вынашивании ими планов побега, кроме, возможно, единственного случая — Яна Виткевича. Интенсивное изучение им «языков местных кочевых народов, персидского, частично — арабского, а также языка пушту, которым пользовались далёкие

афганские народы», позволило его биографу предположить, что им руководил «замысел побега»²⁹. Дальнейшая судьба Яна Виткевича свидетельствует, что он от этого замысла — если вообще его имел — отказался и избрал иной путь: военную карьеру, прекрасно начинавшуюся, но завершившуюся смертью (скорее всего, самоубийством при до сих пор не выясненных обстоятельствах). Военную карьеру избрали и два его товарища, Ивашкевич и Песьяк, оба они навсегда остались в России.

Ситуация кардинально изменилась после поражения Ноябрьского восстания и принятия Органического статута, заменившего конституцию. Все преступники — обычные и политические — могли теперь высылаться из Королевства для отбывания наказания в глубине Российской империи. Правление двух царей — деспота Николая I и либерального Александра II — это период самых многочисленных перемещений польских политических преступников в ссылку. И самых

Сад для прогулок и соляные ванны в Усолье,
устроенные польскими ссыльными

многочисленных попыток — предпринимавшихся с разным успехом — вырваться из неволи. Им будут посвящены соответствующие главы.

Стоит напомнить, что грозило беглецам, помимо неожиданностей в пути — встреча с разбойниками, с лесными хищниками, смерть от голода или холода. В военном и гражданском кодексах дезертирам и беглецам из ссылки было отведено много места, наказания многообразно варьировались. Положение о ссыльных (включённое в XIV том свода законов) тоже не забывало о беглецах.

В первой половине XIX века, прежде всего, их ожидало телесное наказание, а затем — военный суд. Применялись кнуты и палки в количестве от нескольких сотен до нескольких тысяч. Для физически и психически слабых людей это было равносильно смертному приговору. 1 января 1864 года тяжёлые телесные наказания были отменены, вместо них оставались розги (до 50 для гражданских лиц, до 200 — в армии!). Оставался военный суд, у которого, как и прежде, были весьма широкие полномочия: он мог приговорить к каторге или к поселению в отдалённых местах, к службе в батальонах, расквартированных на окраинах империи. Законодатель подчёркивал, что никакое дезертирство, даже самое краткое, даже если солдат сам вернулся в свою часть, не может оставаться безнаказанным³⁰.

Не менее сурово обращались с беглецами из ссылки. Отдельные параграфы касались побегов как из Сибири, так и из внутренних губерний, охватывали все категории осуждённых — от каторжников до поселенцев: чем более суровым было отбываемое наказание, тем больше дополнительных лет каторги или поселения они могли получить. Десятки параграфов не только подробно определяли меру наказания, но и содержали дополнительные различия: чем чаще обвиняемый предпринимал попытки бегства, тем более суровым было отношение к нему (это касалось и телесных наказаний, когда они были наиболее часто применяемым способом воспитания разного рода преступников, и лет тюремного заключения, и каторжных работ и т.д.). Введённое в «Устав о ссыльных»³¹ — и остающееся в силе — различие между побегом и «отлучкой без дозволения» оставляло возможность трактовать беглецов в зависимости от того, на какое расстояние они успели убежать, на какое время (несколько дней или месяцев) они удалились из мест постоянного пребывания, была ли эта провинность совершена впервые, или повторно. Это позволяло местным властям довольно произвольно определять наказания, а также облегчало взятничество — это следует учитывать, когда мы встречаемся с различ-

ным отношением к беглецам, совершившим идентичные проступки. Трудно даже кратко изложить суть всех этих параграфов, это заняло бы слишком много места: остаётся лишь констатировать, что наказания — особенно для каторжников — были очень суровыми, а на снисхождение могли рассчитывать немногие.

Следует ещё упомянуть о явлении, которое в какой-то степени было связано с побегом. Речь идёт о подмене личностных данных, которая позволяла ссыльному изменить свой статус (например, с каторжника на поселенца), либо исчезнуть, раствориться в массе уголовников. Обмен личностными данными, — за который также грозили различные наказания, — чаще всего осуществлялся за деньги или другие ценности (хорошая одежда и т.п.). Такие случаи обнаруживались либо в результате стечения обстоятельств, либо когда скрывающийся под чужой фамилией приходил к выводу, что он в этом обмене проиграл, например, как австрийский или прусский подданный утратил возможность вернуться домой. Мы сочли, однако, что детальное рассмотрение даже наиболее интересных примеров слишком увеличило бы объём этой книги.

В одном можно быть уверенными: решавшиеся на побег — коллективный или индивидуальный — прекрасно знали, что им грозит. Более того, как свидетельствуют воспоминания, они были убеждены, что их, как и прежде, ожидают кнуты и многолетняя каторга.

Было бы ошибкой полагать, что ссыльное общество относилось к беглецам и бунтовщикам как к героям. В рассматриваемый период среди польских «сибиряков» можно выделить — и стараться понять — несколько характерных позиций.

Первая — наиболее распространённая — предписывала активное приспособление: найти в новых условиях такой *modus vivendi*, который делал бы возможным максимально независимое существование, сочетание занятий для заработка и удовлетворения духовных запросов с масштабной помощью другим. Сибирские политические преступники были первыми подлинными общественниками, сторонниками лозунга «органического труда», патриотами, убеждёнными в своей миссии: их достойное поведение, знания, трудолюбие и порядочность были призваны служить примером для других, вызывать уважение местного населения и начальства. Юлиан Сабиньский, одобрительно отзываясь в своём дневнике о забайкальских товарищах, исключительно точно описал элементы этой позиции: «Они живут в согласии, занимаются полезным трудом, взаимно поддерживают друг друга, они воодушевлены высочайшим духом и пользуются уважением во всей

округе»³². Он же, наиболее полно воплотивший эту модель поведения, с удовлетворением приводит надпись на одном из надгробий погребённых в Иркутске участников заговора Конарского:

«Остановись, прохожий, поклонись останкам:

Здесь добродетель в кандалах — то подлинная добродетель»³³.

Подобное отношение к реальной жизни в изгнании можно без труда обнаружить у сосланных участников январского восстания. Его выразителем был Якуб Гейштор и многие другие. Разумеется, не следует закрывать глаза на существование довольно большого круга ссыльных, которые не придерживались этих принципов, пили до беспамятства, устраивали скандалы, подозревались — не без оснований — в кражах и более серьезных уголовных преступлениях. К счастью, однако, не они создавали мнение о польских изгнанниках.

Вторая позиция — созерцательно-философская — была основана на восприятии Сибири как школы характера, дававшей неограниченные возможности для внутреннего совершенствования. Её толкование лучше всего выражено в письме Антониллы Рошковской, — жены Адольфа, сторонника Конарского, одной из самых прекрасных женских фигур, неспроста называвшейся «нерчинской королевой», — к родителям лишённого права переписки каторжника Александра Белинского, которого она характеризует так: «Он не ропщет против воли Божьей, согласен с судьбой. Время своего изгнания он привык считать для себя тем, чем в давние времена для верующих людей было пребывание в пустыне, — временем искоренения недостатков, укрепления в добре, временем возрастания духовной мощи»³⁴. Это согласие с судьбой, внутреннее совершенствование и творение добра не означало одобрения неволи, но было её отрицанием, в чём убеждает жизненный путь ксёндза Кшиштофа Шверницкого, который, будучи приговорён в 1850 году к поселению в Иркутской губернии, не воспользовался амнистией 1856 года, добровольно остался в Сибири и вплоть до своей смерти в 1894 году служил иркутским приходским священником; а также Юзефа Калиновского — будущего благословенного отца Рафала, — приговорённого в 1864 году к 10 годам каторги в крепости, уже в ссылке окружённого всеобщим почитанием, о котором «сами Москали говорили, что это — святой поляк»³⁵.

Третья позиция — это неустанный бунт против насилия, несогласие с судьбой, мечты об очередном вооружённом восстании, попытки воплотить в жизнь проекты освобождения из неволи, организация коллективных и индивидуальных побегов. Она проявлялась везде: в армии

и арестантских ротах, на каторге и поселении, сразу, с самого начала, уже по пути в ссылку, и спустя годы, почти до последнего вздоха, в силу непреодолимого желания найти последнее успокоение в родной земле.

Эта последняя позиция не только не была общераспространённой, но встречала со стороны представителей двух первых явное неодобрение.

Считалось — не без оснований, — что каждая такая попытка, независимо от её результатов, приводит лишь к росту репрессий; она чаще всего рассматривалась как авантюризм, неоправданное подвержение риску себя и других. После событий омского заговора Бронислав Залеский с удовлетворением отмечал, что с течением времени среди ссыльных «место авантюрных и продиктованных отчаянием проектов занял более серьёзный взгляд на положение и обязанности»³⁶. В свою очередь, Шимон Токажевский считал побег безнравственным поступком, поскольку, по его убеждению, беглеца, как правило, ожидала судьба бродяги, недостойная польского ссыльного. Бродяжничество в России было явлением, единственным в своём роде, и оно действительно носило массовый характер. «Непомнящие имени и фамилии», не имеющие ни дома, ни семьи, весной массово покидали места изоляции (хотя бродяжничество в России каралось) и скитались по стране, питаясь, чем попало. Сибирские крестьяне выставляли для них еду, чтобы обезопасить себя от грабежа, впрочем, не всегда успешно.

Сообщество бродяг подчинялось собственным законам, у них была своя иерархия, свои обычаи. Польские беглецы старались изучить их, чтобы использовать в случае необходимости.

Побег Зыгмунта Минейко и Александра Окинъчица, а также несколько других неудачных попыток бегства Бенедикт Дыбовский комментировал так: «Что касается меня, то я — не без оснований — счёл бы тех, кто отважился на побег, страшными эгоистами, не думающими о том, что своим бегством они компрометируют коллег, что подвергают оставшихся репрессиям со стороны тюремных властей»³⁷. Действительно, этот побег и факт помощи, полученной беглецами в Перми (см. главу VIII), стали причиной указа о выселении польских ссыльных вглубь губернии, далеко от проезжих дорог, что значительно ухудшило их положение. Однако чаще не столько вводились новые предписания, сколько ужесточалось соблюдение уже существующих: запираение камер, увеличение конвоя, запрет проживания на квартирах и т.п. После восстания 1866 года на Кругобайкальском тракте, повсеместно осуждавшегося большинством, Вацлав Лясоцкий записал:

«Наши сердца кровоточили, мы скорбели о судьбах товарищей, тем не менее, мы вынуждены были осудить легкомысленный и бесцельный шаг, следствием которого стало увеличение страданий целой массы изгнанников в Восточной Сибири. Такт и благоразумие нашего коменданта [в Усолье] Турова были причиной того, что наши условия почти не претерпели изменений, но в других местах был воспринят призыв из Иркутска усилить преследование поляков по всем направлениям»³⁸.

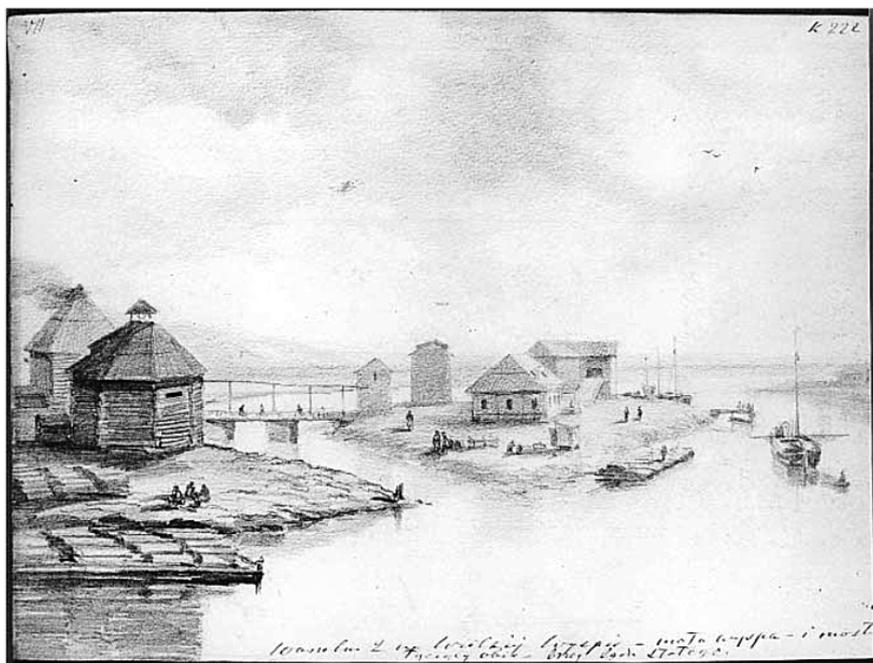
Выразительным свидетельством мелочного ужесточения предписаний о надзоре над ссыльными является найденная Людвикой Кашницкой — уже после завершения работы над картотекой ссыльных XIX века — в архиве III Отделения Собственной канцелярии Его Величества корреспонденция по делу «доставленного из Австрии Станислава Лапиньского, сбежавшего из Иркутска»³⁹. Как следует из рапорта командующего Варшавским жандармским округом от 15 июня 1872 года, Лапиньский, задержанный в Кракове 5 июня 1872 года без документов и переданный 15 июня на пограничном пункте в руки представителей российских властей, сообщил, что его отца звали Ян, что ему 28 лет, а родом он из Влощёвой Келецкого воеводства, сословия мещанского, что за участие «в бунте 1863 года» в одном из отрядов он был приговорён к 12 годам каторги в Сибири; высланный из Варшавы в сентябре 1863 года, он пребывал в Иркутской губернии, откуда в августе 1869 года вместе со Станиславом Добровольским и Антонием Новицким убежал во время обеда, пользуясь тем, что их не заковали в кандалы. «Лесными тропами» он в ноябре или декабре того же года добрался до Кракова, где получил место повара в ресторане Войчеха Дрылевского; в декабре 1871 года он начал служить, также в качестве повара, у жителя Кракова, некоего Маркевича. В понедельник 5/17 июня следующего года Лапиньского задержала краковская полиция. О судьбе Добровольского и Новицкого ему ничего не известно. Признания он подписал тремя крестиками.

Следующий рапорт в III Отделение, датированный 19 июня 1872 года, извещал, что по пути в Бендзин, в деревне Немцы Станислав Лапиньский, оставленный под надзором крестьянина Петра Велюги, убежал в неизвестном направлении, за что Велюгу отдали под суд. Детали побега «политического преступника» описаны в дополнительном донесении, датированном тем же днём: 9 июня Лапиньский был передан охранником бендзинского земского уезда, Сергеевым, на ночлег старосте деревни Немцы, который назначил охранником крестьянина Петра Велюгу. В полночь Лапиньский попросился на двор по

нужде. Велюга выпустил его, а сам медленно пошёл за ним. Пользуясь этим, а также ночной темнотой, Лапинский бросился к ближайшему лесу, и, несмотря на начатые поиски, не был пойман.

Сама история этого побега, весьма похожая на многие другие, не заслуживала бы упоминания в предисловии, если бы не вызванные ею циркуляры Министерства внутренних дел.

Первый из них, середины 1872 года, подписанный самим министром, генерал-адъютантом Александром Тимашевым, указывал — в связи с усилившимся бегством «политических преступников» — на неисполнение циркуляра МВД от 17 августа 1863 года, № 137 о тщательном контроле над лицами, высланными под надзор полиции за политические преступления; министр обращал внимание губернских властей на необходимость предотвращения побегов и рекомендовал с этой целью или обязать ссыльных ежедневно отмечаться у начальников полиции, или предписать сотрудникам полиции часто посещать

Солеварня на Большом острове, Малый остров и мост, соединяющий оба острова в Усолье. Виден берег материка

данных лиц в их жилищах, что даст возможность, по крайней мере, вовремя установить факт побега.

В очередном циркуляре от 13 февраля 1874 года, № 20, мы читаем о том, что в Министерство внутренних дел слишком часто поступают сообщения о побегах арестантов из различных тюрем гражданского ведомства. Близкое ознакомление с обстоятельствами побегов убеждает в том, что почти во всех случаях вина лежит на стороне тюремных властей, не соблюдающих принципов внутреннего распорядка и надзора в находящихся в их ведении тюрьмах: «Циркуляры Министерства, указывающие, чтобы над арестантами, выпускаемыми для отправления естественных потребностей, устанавливался особо внимательный надзор и чтобы их в это время сопровождал конвой, до сих пор оставались вне практического применения. [...] Несоблюдение установленного порядка приводит к тому, что арестанты свободно разгуливают по зданию тюрьмы. Министерство внутренних дел указывает, что надзиратели должны неусыпно наблюдать за каждым арестантом, а того, кто появится без конвоя, считать преступником, вынашивающим намерение побега, и обязаны в такового стрелять, если он не подчинится первому же приказу надзирателя».

Циркуляр № 21 от 16 февраля 1874 года, вновь вызванный усилившимися побегами и беспорядками в тюрьмах, предписывал — в соответствии с распоряжением № 42 от 5 марта 1866 года — «днём и ночью» запирать камеры, в которых пребывают арестанты.

Распоряжения и выговоры какое-то время приносили результат (в своих воспоминаниях некоторые авторы, переведенные из одной губернии в другую, удивлялись жесткому режиму на новом месте, более суровому, чем на каторге). Но вскоре взятки и врождённая лень (каждое посещение отнимало время! Охранники не были в состоянии следить за каждым заключённым) приводили к тому, что всё возвращалось к прежнему положению дел. И вновь в III Отделение сообщали, что в марте 1879 года из города Кирсанова «сбежал, неизвестно куда» находящийся под полицейским надзором шляхтич Радомской губернии, Витольд Корульский, в возрасте около 55 лет, который, однако, уже 10 апреля был пойман...⁴⁰. В 1879 и 1880 годы безуспешно разыскивался Фаустин Коханьский (или Кохановский), мещанин из Люблинского воеводства с богатой биографией (взятый в армию, он отказался принести присягу на верность, в забайкальском восстании он был среди «сильно подозреваемых», с 1873 года пребывал на поселении в нерчинском округе, откуда исчез...). Таких случаев было немного. Преобладали скорее «от-

лучки» без согласия властей, на которые, как правило, — в нарушение закона — не обращали внимания. С течением времени сосланные после Январского восстания становились всё старше, их становилось всё меньше, а надежды на очередную амнистию побуждали отказываться от мысли о побеге...

Следующие поколения революционеров покидали определённые для них места ссылки без большого труда: сеть железных дорог, простота изготовления фальшивых документов, а также благожелательное отношение общества к людям, находящимся в конфликте с властями на почве убеждений, презрение к доносчикам, — всё это благоприятствовало беглецам. Со временем побег из ссылки перестали вызывать сенсацию, становясь повседневным событием, неотделимой составной частью жизни деятелей социалистического движения.

Кладбище в Усолье. Польские могилы

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Peszek S. T.* Mój pobyt w niewoli rosyjskiej. Odbitka z „Biblioteki Warszawskiej”. Warszawa, 1913.
- 2 См.: *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa, 1998. S. 755–767.
- 3 М. Яник оценивает количество сосланных солдат в 30 тысяч; к этому, по его мнению, надо приплюсовать около 20 тысяч «из других слоев населения, сосланных в Сибирь в связи с Ноябрьским восстанием». В конечном итоге, проанализировав разные источники, он дает сумму в 60 тысяч человек. (См.: *Janik M.* Dzieje Polaków na Syberji. Kraków, 1928. S. 114–115). В. Цабан пытался установить число репрессированных за участие в восстании 1831 г. и после тщательного изучения архивов пришел к выводу, что не подлежит сомнению тот факт, что в Королевстве Польском их было около 38 тысяч. Поэтому он считает весьма правдоподобными цифры, приводимые М. Яником для всех польских земель. (*Caban W.* Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873. Warszawa, 2001. S. 87–88).
- 4 *Zob. Bielecki R.* Słownik biograficzny oficerów powstania listopadowego. Т. I-II (A-K). Warszawa, 1995–1996; Т. III (L-R). Warszawa, 1998. Por. *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy. S. 733–775.
- 5 Служба в российской армии продолжалась 25 лет, но польские солдаты по истечении 15 лет имели право на отпуск и в качестве «отпускников» возвращались домой, где, как правило, имели дурную репутацию как верноподданные служаки властям.
- 6 Письмо В. Юрковского от 30.06. 1841 г. // Biblioteka Kórnicka, rkps 1663, k. 21.
- 7 Этот фрагмент, опущенный в томе „Społeczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 r.” (Wrocław, 1984. S. 556), опубликован в статье: *Śliwowska W.* Księża Jana droga do Polski // „Przegląd Wschodni”, 1991. Zeszyt 1. S. 173.
- 8 Военный суд в Бобруйске 29.XI.1831 г. приговорил П. Высоцкого к смертной казни четвертованием, которое генерал Д. фон Остен-Сакен заменил на виселицу. Николай I приговор не утвердил и приказал судить Высоцкого как уроженца Королевства Польского в Варшаве. Верховный уголовный суд Королевства признал Высоцкого, как и других руководителей восстания, виновным в разжигании «бунта» и вновь приговорил его к смертной казни через повешение. Николай I, учитывая мнение Комитета по делам Королевства Польского, заменил виселицу ссылкой на 20-летнюю каторгу, несмотря на то, что Высоцкий отказался подписать прошение о помиловании. Закованного в кандалы, 2.VI.1835 г. его привезли в Иркутск. К сожалению, судебное дело Высоцкого сгорело во время Второй мировой войны.
- 9 Цит. по: *Трынковски J.* Polskie krajobrazy Sybiru // „Przegląd Wschodni”, 1991. Zeszyt 2. S. 37.

- 10 Zob.: *Śliwowska W.* Pierwsze organizacje pomocy dla więźniów i zesłańców syberyjskich w zabore rosyjskim // „Przegląd Historyczny”, 1987. Z. 3. S. 411–449.
- 11 Zob.: *Skok H.* Polacy nad Bajkałem 1863–1883. Warszawa, 1974.
- 12 *Tabeńska E.* Z doli i niedoli. Wspomnienia wygnanki. Kraków, 1897. S. 57–58. Из Ибьян было выслано 30 семей, всего 136 человек.
- 13 Другие данные приводит «Gazeta Warszawska», утверждая, что «число сосланных на поселение в Сибирь составляет ныне около 70 тысяч человек». Из 28828 сосланных в сельские районы Томской губернии у двух третей нет никакого имущества и они испытывают крайнюю нужду». В первое указанное число входят, очевидно, не только политические, но и обычные преступники. Вторая цифра говорит о приговоренных к поселению за способствование восстанию. Вызывает сомнение информация о том, что «около 10 000 тысяч ссыльных бежало» // „Gazeta Warszawska”, 1882. Nr 3.
- 14 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109, I эксп. 1870. Д. . 14, ч. 305, л. 32, 36.
- 15 Там же. 1868. Д. 211, л. 1–2, 8–8 об, 10–12.
- 16 Подсчитано на основе сохранившихся списков сосланных из Королевства Польского в солдаты. Многие фамилии в списках повторяются по несколько раз (AGAD, zesp. 200, vol. 4–5). По В. Цабану, их было 2670 человек, всего призвано было около 4000 рекрутов (*Caban W.* *Służba rekrutów...*S. 95,97). Неизвестно, нужно ли эти цифры суммировать, или же первая входит во вторую.
- 17 AGAD, ZGP. Vol. IV, kk.748–748v; vol. VII, kk. 372v–373.
- 18 ГАРФ. Ф 109, I эксп., 1866.Д. 8, л. 122 об, 123, 286, 289об; Д. 30, л. 36; 1867. Д. 79, л. 8; Ф. 29, оп.6. Д. 6, л. 337.
- 19 Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф.24, оп. 3, Д. 37, л. 161–163. Там же. 1763. Т. I. Д. 33 „b”, л. 58 об.
- 20 Воспоминания К. Боровского (псевдоним Ринальдо) опубликовал С. Кеневич: *Z. Staropiński. K. Borowski. Między Kamieńcem a Archangielskiem. Dwa ramiętniki powstańców z 1863 roku.* Warszawa, 1986. S. 281–338
- 21 *Piczugina W.* Polacy w kazańskiej rocie aresztańskiej // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historia i tradycja. Pod. red. W. Cabana i W. Sliwowskiej. Kielce, 2005. S. 129–132.
- 22 ГАРФ. Ф. 109, I эксп., 1865. Д. 209.
- 23 Даты этих указов: 16.IV.1866, 17.V.1867 (позволял выезжать из империи всем иностранным подданным), 25.V.1868, 13.V.1871 (касался участников забайкальского восстания), 21.V. 1873, 9.I.1874, 9.III.1877 и 15.V.1883. Подробно их рассматривает Х. Скок, приходя к выводу, что «историю ссылки после январского восстания можно закончить 1883 годом». (*Skok H.* *Polacy nad Bajkałem...*S. 297–322.
- 24 Впервые воспоминания Я. Цишека под названием «Wspomnienia powstańca z roku 1862» появились в 1927 году на страницах „Gazety Podhalańskiej”,nr 5–6. Перепечатаны в: *Wspomnienia chłopów-powstańców 1863 roku.* Kraków, 1983. S. 11–25.
- 25 *Drygas I.* *Wspomnienia chłopów-powstańca.* Grabonóg, 1992. S. 77. Имеется несколько изданий этих воспоминаний; первое — в 1892 году (*Zakrzewski W.*

- Historyczno-humorystyczne obrazki z roku 1863. Cz. 3). С. Хелштыньский сомневался в «подлинности» Дрыгаса, полагая, что его сочинил В. Закшевский, тоже январский повстанец. Архивные разыскания дали достаточно данных, доказывающих, что И. Дрыгас за участие в восстании действительно был сослан в Сибирь, а затем оказался в Германии.
- 26 Zob.: *Niebelski E.* Duchowieństwo lubelskie i podlaskie w powstaniu 1863 roku i na zesłaniu w Rosji. Lublin, 2002.
- 27 Опущены эти вопросы – по независящим от автора причинам – и в исследованиях Е. Качиньской, к которым мы отсылаем читателя, не рассматривая детально основных и дополнительных мер наказания обычных и политических преступников. См.: *Kaczyńska E.* Człowiek przed sądem. Społeczne aspekty przestępczości w Królestwie Polskim (1815–1914). Wyd. 2. Warszawa, 1994 (wyd. 1–1982); *Ludzie ukarani. Więzienia i system kar w Królestwie Polskim (1815–1914).* Warszawa, 1989; *Syberia – największe więzienie świata.* Warszawa, 1991; wstęp do antologii „Zesłanie i katorka na Syberii w dziejach Polaków”. Warszawa, 1992. S. 5–166.
- 28 Материалы так называемого оренбургского заговора, по делу о котором допрашивали, в частности, Томаша Зана, не подтверждают его намерений побега.
- 29 *Jewsiewicki W.* Batur. O Janie Witkiewiczu 1808–1839. Warszawa, 1983. S. 58.
- 30 Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (законы 1863 г.). Т. XXXVIII. СПб, 1866. С. 354–355.
- 31 См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1857. С. 123–133 (касаются побегов с пути в ссылку и из мест ссылки).
- 32 *Glaubicz-Sabiński J.* Dziewiętnaście lat wyrwanych z mojego życia, czyli dziennik mojej niewoli i wygnania od roku 1838 do 1857 włącznie. Zakład im. Ossolińskich. Rkps. 14465, kk. 282–283.
- 33 Ibid. K. 1010 (tekst po francusku).
- 34 *Bielińska M.* Dwa pokolenia. Kraków, 1909. S. 282–283.
- 35 [*Nowakowski W.*], *Edward z Sulgostowa* (pseud.) Wilia w Usolu na Syberyi 1865 roku. Nadbitka bez miejsca i daty. S. 5.
- 36 *Zaleski B.* Wygnańcy polscy w Orenburgu // „Rocznik Towarzystwa Historyczno-Literackiego za rok 1866”. Paryż, 1867. S. 107.
- 37 *Dybowski B.* Pamiętnik dra ...od roku 1863 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. S. 41.
- 38 *Lasocki W.* Wspomnienia z mojego życia. T. I.I. Na Syberji. Kraków, 1934. S. 169. Представляется, что П. Кропоткин был неправ, утверждая, что события 1866 г. за Байкалом способствовали улучшению положения польских ссыльных.
- 39 ГАРФ. Ф.109. I эксп. 1872. Д. 51.
- 40 Там же . 3 эксп., 1879. Д. 54, ч. 1, л. 117–119об, 127–129.